

Лена Тулинова
Хрустальный детектив
Сезон 1
Продержаться месяц

Лена Тулинова

Хрустальный детектив. Сезон

1. Продержаться месяц

<https://litres.ru/74034889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Менталист Этьен Лемуар после проклятия стал хрупким, словно хрусталь, и весьма мрачным человеком. Но однажды в его жизнь ворвалась очаровательная сиделка Бланш Паради красивая, энергичная, обаятельная.

Не сразу эти двое нашли общий язык. Но ей была нужна работа, а ему смысл жизни. И они дали друг другу испытательный срок длиною в месяц. А там уже завертелось!

Ну, а как же любовь, спросите вы?

И без любви не обойдётся!

Лена Тулинова

Хрустальный

детектив. Сезон 1.

Продержаться месяц

Лит-Сериал. Первый сезон

ЧАСТЬ 1. Эпизод 1. Новая сиделка для мсье Лемуара

ГЛАВА 1. ЭТЬЕН

Этьен Лемуар умел убивать время. Пожалуй, это всё, что ему теперь оставалось. Он изобретал новые и новые способы, но всегда возвращался к одному, излюбленному: лежать и глядеть в потолок. Никогда не удавалось по-настоящему избавиться от всех мыслей разом, но семейным девизом Лемуаров были слова «не сдавайся, несмотря ни на что».

Звонок в дверь раздался точно в ту секунду, когда Этьен готов был поклясться, что ему удалось полностью очистить голову.

– Чёрт, – сказал он тихо, но выразительно.

В ответ звонок повторился, и Этьен крикнул:

– Не заперто!

– Как это – не заперто? – раздался удивлённый женский голос из передней. – А как же грабители?

– Ну пускай грабят, вам-то что, мадам? Если вы проходи-

ли мимо, можете идти дальше.

— А откуда вы знаете наверняка, мадам я или нет? — женщина, судя по всему, не думала никуда исчезать и идти мимо. — К тому же я шла именно к вам.

— Вы из агентства? — Этьен упрямо смотрел в потолок, не желая взаимодействовать с внешним миром, представительница которого вторглась в его дом.

— Из агентства, — согласилась женщина. — Мне сказали, вакансия ваша, если продержитесь тут хотя бы сутки.

— После мадам Анри никому этого не удавалось, — Этьен позволил себе слабую улыбку.

— Вот как, — сказала женщина. — Так почему я, по-вашему, мадам?

— Потому что я просил немолодую и непривлекательную женщину, лучше всего вдову, — пояснил Этьен.

— Хм. Видимо, такие в нашем Сен-Фило уже кончились, — заметила дама, — потому что прислали меня.

После этих слов Этьен нажал на кнопку подъёмного механизма, и изголовье кровати приподнялось так, чтобы её хозяин смог сесть. На него, обложенного перинами и подушками, смотрела привлекательная особа примерно одних с ним лет. У неё было приятное лицо, правильные черты лица и какие-то на редкость красиво очерченные губы, слегка тронутые розовой помадой. Светлые волосы выбились из строгой причёски, сколотой на затылке шпильками, голубые глаза смотрели с приветливой теплотой. Вся она, эта женщина,

была удивительно тёплой и уютной, такой, что хотелось поскорее зарыться лицом в пышную грудь. Тем более, что лёгкая розовая блузка так заманчиво её приоткрывала!

– Да вам и сорока нет, – оторопел Этьен. – Тем временем я же просил...

– Вы мне льстите, сорок уже как раз есть, – засмеялась дама. – Я не скрываю свои годы.

– Вы не то что суток не продержитесь, вы моментально покинете мой дом и скажете там, в агентстве, что со мной дурные шутки не пройдут, – в гневе заявил Этьен. – В моей заявке ясно сказано, чтобы прислали в точности такую же, как мадам Анри: не моложе пятидесяти пяти, непривлекательную, но крепкую и здоровую сиделку!

– О, – красиво удивилась женщина, – а мне сказали, вы нуждаетесь в компаньонке.

– А вы нуждаетесь в деньгах, – отрезал Этьен. – Но здесь вы их не получите.

– Но я могу и сиделкой побыть. Я мать, а у каждой матери невероятный опыт! Что у вас болит? – спросила она. – Сколько собираетесь выздоравливать?

Этьен не ответил. С максимальной осторожностью он поднялся с кровати, сунул ноги в очень толстые и мягкие тапочки и медленно проковылял два шага до овального столика, покрытого вместо скатерти пухлым одеялом. На нём стоял телефонный аппарат. Набрав номер диспетчерской и продиктовав барышне код агентства по подбору персонала,

Этьен выпалил:

– Добрый день! Мне нужен менеджер!

– О, здравствуйте, а вы, должно быть мсье Ленуар, – проворковал незнакомый женский голос, весьма приятный. – Меня предупреждали. Менеджер мсье Винсен уволился и уехал в Монпансьель!

– Разумеется, никуда ближе он уехать не мог, – буркнул Этьен. – Ну, а вы кто, мадемуазель?

– А, – воскликнула не слишком-то воспитанно подслушавшая претендентка на место его сиделки, – её-то вы называли мадемуазель! Не иначе, магия!

Этьен только сердито на неё зыркнул.

– Я мадемуазель Саварен, – ответила мадемуазель из агентства. – Мсье Винсен предупреждал, что вы тот самый клиент, мсье Ленуар. Думаю, мы подружимся! Как вам новая сиделка?

– Я просил прислать мне какую-нибудь крепкую старушку, – вскричал Этьен. – Не моложе пятидесяти пяти лет, некрасивую, а вы?

– Если вас так пугает женская красота, то у вас проблемы, – поведала ему невежливая мадам по эту сторону беседы.

– У меня и так проблемы, – огрызнулся Этьен. – Простите, мадемуазель Саварен, это не вам.

– И пятьдесят пять лет – это не старость, – запальчиво сказала назойливая мадам. – Попробуйте представить себя лет через пятнадцать – ну вы же не будете стариком?

– Мадемуазель Саварен, – тщетно пытаясь испепелить эту райскую птичку взглядом, сказал Этьен, – или вы забираете это назад, а завтра присылаете мне сиделку, которую я просил – или я меняю агентство!

На том конце телефонного провода молчали. Как показалось Этьену – испуганно.

– И я не «это», – шёпотом сказала гостья из агентства.

– Молчите, или я напишу вам такую рекомендацию, что вас и половойкой никуда не возьмут, – отрезал Этьен. – Мадемуазель Саварен? Вы ещё тут?

– Да, извините, мсье Ленуар. Я перебирала варианты. Так вот – их нет. Мадам, которую мы направили к вам, среди претенденток самая старая. Но через месяц освободится сиделка у мадам Леклер, которая выздоравливает и уезжает в столицу. Этой достойной матроне шестьдесят один год, она крепкая и здоровая вдова, и она очень, гм, непривлекательна. Но должна предупредить: несмотря на некрасивую внешность, она берёт дороже, чем присланная к вам сейчас мадам Паради.

– Она ещё и Паради, – простонал Этьен.

– Между прочим, я ещё здесь, – сладко улыбнулась дама и кокетливо пошевелила пальчиками. – Меня зовут Бланш Паради!

– Давайте так, мсье Ленуар, – решив воспользоваться его слабостью, коварно предложила мадемуазель Саварен, – мадам Паради помогает вам этот месяц, а потом, как только

освобождается сиделка мадам Леклер, мы тут же присылаем её вам.

Этьену не надо было смотреть на календарь на стене, но он посмотрел. И мадам Паради посмотрела. Он медленно моргнул, стараясь не глазеть на женскую шею, полуоткрытую скромным вырезом блузки.

– Мадемуазель Саварен, – сказал мученическим голосом Этьен, – неужели нельзя ничего сделать?

– Месяц, мсье Ленуар, – отрезала девушка и положила трубку.

– Месяц, – трагически произнёс Этьен.

– Если вы женоненавистник, то попросили бы сиделку мужского пола, – сказала мадам Паради.

– Мадам...

– Меня можно называть Бланш. Так что с вами такое? Рассказывайте!

И она подошла ближе, пахнув на своего подопечного ароматом духов и чего-то ещё нежного, женского.

Этьен вздохнул и протянул руку, чтобы сиделка измерила его пульс. Мадам Анри всегда с этого начинала, каждый день – и так двенадцать лет. Это давным-давно заменило им приветствие.

Мадам Паради энергично пожала Этьену руку. Когда он не сдержал сдавленного вскрика, лицо женщины тут же изменилось.

– Что такое? – спросила она.

– Вы хотя бы прочитали бумаги, которые вам дали в агентстве? – прошипел мужчина.

– Ах да, медицинские бумаги, всякие выписки и ещё какие-то бланки, – обрадовалась мадам Паради и принялась рыться в сумке, которую, оказывается, оставила у входа.

– Бросьте. Возьмите на столе справочник, найдите там доктора Бонэ и звоните.

– Хорошо, – кажется, её переполняло благожелательное сочувствие и желание как-то исправить ситуацию.

Пока в трубке звучали протяжные гудки, женщина спросила:

– Что сказать?

– Скажите, что я прошу... Этьен просит приехать, – сквозь боль и стиснутые зубы процедил Этьен.

– О, вы мсье доктор Бонэ? – тут же прощebetала Бланш. – Я новая сиделка Этьена Ленуара, приятно познакомиться. Меня зовут Бланш Паради, а вас? Ах да, вы доктор Бонэ, очень приятно, у вас красивый голос. Да. Да! Этьен вас почему-то зовёт.

– Приложите мне трубку к лицу, – простонал Этьен, баюкая левой рукой правую. – Не так, д... дама! Осторожнее, иначе вы проломите мне череп!

– Этьен! На тебя напали? – спросил спокойный, как всегда, Жан-Луи Бонэ.

– Жан-Луи, приезжай срочно и спаси меня. Она уже сломала мне пальцы. Не знаю, три или четы...

Доктор бросил трубку.

– Сейчас будет, – сказал Этьен.

Бланш положила телефонную трубку на место и спросила уже не придурочным, а вполне сочувственным тоном:

– Почему вы сразу не сказали, что всё так серьёзно? Я сломала вам пальцы, это же жутко больно! Чем вам помочь?

– Прочитайте, наконец, бумаги, – устало сказал Этьен. – Хотя нет, сначала помогите лечь.

ГЛАВА 2. БЛАНШ

Черная полоса в жизни Бланш Паради началась чуть меньше года назад, когда она отправила сына учиться. Она мысленно принялась загибать пальцы – прошло девять месяцев. Она тогда взяла большой кредит, чтобы Пьеру-Антуану не пришлось жить в дешёвой комнатёнке и чтобы платить за его учёбу. Едва Бланш заплатила за первый год и оплатила мальчику квартиру поблизости от университета – как её уволили. Работа у мадам Паради была несложная, но хорошо оплачивалась – она трудилась на должности администратора большого салона красоты. Увы, на её лице всё яснее обозначался возраст! А хозяйка была уверена, что ничего важнее нет, чем лицо администратора: следы увядания на нём недопустимы. Бланш покупала волшебные маски и чудотворные кремы, даже пользовалась услугами мага красоты, чтобы разгладить морщинки возле глаз и губ. Они были ещё совсем небольшие, и разве сияние глаз не важнее, чем

чистая и свежая кожа?!

Однако магичка лишь наложила на лицо Бланш иллюзию, приподнявшую чуть нависшие веки и придавшую скулам более подтянутый вид. Но салон снимали для рекламы в глянцевом журнале, Бланш попала на фото – а как известно, снимки магию не запечатлевают. На фотографии каждая морщинка виднелась отчётливо и беспощадно. Бланш уволили.

Тот, кто оставался без работы с большим кредитом и без особых перспектив, знает, как это неприятно! Первым делом мадам Паради сдала внаём уютный домик в прибрежной зоне Сан-Фило и переехала в квартал «попроще». Но и за эту маленькую квартирку надо платить, а кроме того – разве мало трат у молодой женщины? У Бланш были свои слабости, и она чувствовала себя больной и действительно стареющей, если им не потакала. Она меняла работы одну за другой, не имея ни опыта, ни образования – пока, наконец, не попала в агентство. Здесь она наврала с три короба про опыт – медицинской сестры, кулинара, диетолога, сиделки. Рекомендаций у Бланш, разумеется не было, но зато обаяния с избытком. В ход пошли улыбки, ямки на щеках, свет в глазах, умильное и отчаянное «мадемуазель, мне больше не на кого рассчитывать, прошу, подыщите мне патрона моей мечты!»

Патрон оказался ничего, с виду довольно симпатичный, жаль, что со странностями. Вроде не особенно болезненный, просто хрупкий, а лежит в кровати. Бланш, конечно же, по-

обещала мадемуазель Саварен прочитать по пути его историю болезни. Но читать на ходу неудобно, особенно когда написано всё убористым и непонятным врачебным почерком. Бланш подумала, что ничего страшного, если прочитает всё в лифте.

Увы! Мало того, что Этьен Лемуар жил в двухэтажном доме и лифта там не было – он ещё и оказался напыщенным грубияном. В завуалированной форме дав Бланш понять, что ему такая сиделка, как она, не годится, он отсыпал в её адрес немало оскорблений. Да и мадемуазель Саварен была не слишком деликатна, судя по разговору...

В результате, когда дело дошло до рукопожатия с пациентом, Бланш вложила в этот, казалось бы, невинный жест немало злости и силы. Разве же она знала, что у него такие нежные руки?

Доктор, которого Лемуар называл Жан-Луи Бонэ, прибыл очень быстро. И тут же, с порога, нагрубил Бланш. Но она не подала виду, как задета таким несправедливым к себе отношением, нет! Она только спросила, чем может помочь.

– Не путайтесь под ногами, – отрывисто велел Жан-Луи.

Он был красавчик, а этим своим повелительным ледяным тоном окончательно завоевал Бланш. Это так интересно: врач! Подумать только, она наблюдает за его действиями, когда лечат не её... и Бланш благоговейно уставилась на то, как доктор Бонэ проверяет руку Этьена Лемуара, как достаёт из кожаного саквояжа очаровательный, сияющий зелено-

ватым кристаллом, инструмент, похожий на валик, и проводит по пострадавшей кисти... И как потом накладывает повязку. Движения у доктора были точные, скуповатые, взгляд сосредоточенный.

– Вы бы лучше пока медицинские выписки почитали, мадам, – сказал Этьен и откинулся на подушки.

Бланш со вздохом отвлеклась от красавчика-доктора. Но чтение не шло ей впрок. Она просто смотрела на бумажки в папке, а сама сравнивала Этьена с доктором Бонэ. Этьену на вид было не больше сорока, он был высоким, худощавым, с тёмными волосами, коротко и не очень ровно остриженными. Темноглазый, бледный... и весь он отличался невероятной хрупкостью и утончённостью.

Доктор был ниже ростом, но обладал отличной фигурой – такую не спрячешь под скромной рубашкой и серым жилетом. Шляпу доктор оставил в прихожей, и Бланш любовалась его каштановыми волосами – довольно длинными, чуть волнистыми, собранными в небрежный пучок на затылке. У Этьена были длинные тонкие пальцы, будто у музыканта, а у доктора – сильные, довольно короткие, но очень аккуратные. Бланш тихонько вздохнула и опустила глаза к выпискам из медицинского дела Лемуара.

Ох... У него почти каждый месяц были переломы, начиная... да, вот отметка – с двадцати шести лет. Хрупкость костей... Вот почему дом Этьена показался Бланш таким странным! Здесь у мебели все углы были скруглены, а неко-

которые ещё и обшиты мягкими валиками. И эта странная кровать с подъёмным механизмом, и подушки повсюду. И ковёр такой, что ноги чуть не по щиколотку утопают в ворсе. Тут всё было устроено так, чтобы Ленуар не мог сломать что-нибудь, просто суя ноги в тапочки.

Но тогда для чего ему двухэтажные хоромы? А Бланш заметила, что квартира Этьена, в которой вход был прямо с Морской улицы, имеет именно два этажа. Лестница вела наверх – и непонятно, как Этьен преодолевал это препятствие.

Бланш пропустила, когда доктор закончил. Этьен уснул почти сразу после окончания манипуляций. Может быть, устал от боли, а может, это магия погрузила его в сон.

– Пойдёмте, мадемуазель, я покажу вам дом и кое-что расскажу, – сказал Жан-Луи уже более мягким и человеческим тоном. – Вы новенькая, ничего не знаете, так что я зря на вас накричал. Как вас зовут?

– Бланш Мари-Клер Паради, – извиняющимся тоном сказала Бланш: ей всегда было неловко, что её так называли.

Но бабушку звали Мари, маму Клер, а отец настаивал на коротком имени, которое удобно и кричать, и шипеть. Как ни странно, в быту победило именно «Бланш»!

– Хорошо, мадемуазель Паради, – кивнул доктор, распахивая дверь в одну из комнат, и Бланш заметила, как легко и мягко тут всё открывается. И что ручки дверей округлые, легко поворачиваются и обтянуты меховыми чехлами. – У вас нет опыта, но с работой сиделки многие справляются и

без него. Но отчего же вы не прочитали историю болезни Этьена?

— А потому что в агентстве сказали, что мсье Ленуар уже три дня справляется один. И я так спешила, что не прочитала его медицинские документы. К тому же пришлось идти пешком, потому что...

Она запнулась. «Нет денег на проезд» прозвучало бы донельзя жалко. А Бланш не хотелось выглядеть нищей попрошайкой.

— У всех свои проблемы, — пожал плечами доктор. — Но если уж вы сюда пришли, мадемуазель, то запомните: проблемы Этьена с этого момента должны быть для вас на первом месте. Вкратце расскажу, что с ним не так. Этьена когда-то проклинали, а ведь он спас человека. Магам из университета, где он учился, и коллегам по службе удалось снять проклятие и остановить разрушение его организма. Но всё-таки маги немного опоздали. Его кости под действием проклятия уже испортились. Он стал хрупким, как хрусталь.

Бланш усмехнулась уголком рта. Как-то на фестивале парикмахерского искусства её наградили хрустальным кубком. Весь такой резной, искрящийся... стенки толщиной в палец. Так вот, ей пришлось однажды врезать этим кубком по голове грабителю, забравшемуся к ней в дом, и ничего этой тяжелой штуке не было! Голова грабителя пострадала куда сильнее. Ещё чуть сильнее, и кубок проломил бы ему череп. Но Бланш боролась за себя и Пьера-Антуана, ей было не до

того, чтобы беречь чужие черепа. Тем более такие, у которых есть ноги, приведшие их грабить ночью чей-то дом...

– Так значит, мне надлежит быть как эта... Мадам Анри? – спросила будущая сиделка, отмахнувшись от отвлекающих её воспоминаний. – Которая сколько-то там лет его нянчила?

– Двенадцать, – поправил доктор Бонэ. – До того, как она появилась, Этьен сперва с полгода провёл в госпитале при университете, а потом ещё год – под моим присмотром. Сиделок мы с ним за то время переменили видимо-невидимо, все молодые красотки... И все немного бестолковые. Но после пришла Мадлен Анри. Ей было пятьдесят два года, и она оказалась для Этьена настоящей находкой. Видимо, ему была нужна именно такая: она заменила ему и няньку, и кухарку, и уборщицу. Кстати, вот это – кабинет. Здесь надо убраться очень аккуратно. Этьен бывает здесь редко, но любит, чтобы в любой момент в кабинете был порядок. А следующая комната – гостиная. В конце этого коридора кухня, направо от неё кладовка, а налево – туалет и ванная.

– А второй этаж?

– Там две гостевых спальни, душевая, туалет и галерея.

– Галерея?

– Да, со стороны двора тут устроен большой балкон, а вдоль него строители оставили какую-то нелепую длинную и узкую комнату с двумя дверями. Ничего особенного там не устроишь, поэтому родители Этьена распорядились поставить там несколько вазонов с цветами и скамейки. Ино-

гда, когда приходили гости, это место превращалось в курительную...

На осмотр дома было потрачено минут двадцать, потому что доктор Бонэ счёл своим долгом рассказать почти про каждый закоулок. И про то, как это обустраивали родители, и о том, что Этьен в некоторые комнаты второго этажа не заглядывал уже много лет...

– У вас остались вопросы, мадемуазель Паради? – спросил Жан-Луи, когда они спустились вниз, прошли в кухню и поставили на плиту чайник. – Может быть, пожелания? Я готов помочь вам, лишь бы вы привыкли и остались.

И, ставя на стол красивые фарфоровые чашки, словно невзначай коснулся пальцев Бланш. Она подняла на доктора глаза. Жан-Луи ответил долгим и весьма тёплым взглядом.

– Мсье Лемуар ясно дал мне понять, что я ему не подхожу, – сказала Бланш.

– Я так не считаю, – ответил доктор. – Мадам Анри была ему как мать. Я не всегда одобрял то, что она делала, но в её руках Этьен был всегда ухожен и мог заниматься делами. Ну, а вы должны стать ему... сестрой. Или другом, если вам так будет удобнее. Я помогу освоиться и буду приходить на первых порах почаще.

Он разлил по чашечкам кофе – судя по запаху, довольно сносный. Бланш отпила немного: напиток получился очень крепкий. Но никаких добавок: ни ванили, ни сахара, ни сливок.

– Расскажите немного, что будет входить в мои обязанности, – попросила Бланш. – Ваша мадам Анри, видимо, была очень бодрая, сильная и энергичная, а я не уверена, что справлюсь и с пациентом, и с уборкой, и с готовкой.

– Она тоже жаловалась, что на неё сваливается так много работы. В последние несколько лет мы немного поменяли условия, так что убираться помногу вам не придётся. Уборщица приходит два раза в неделю и, при необходимости, может прибраться сверх того за отдельную плату. Вы будете только проверять, всё ли на местах и не появилось ли чего в кабинете.

– А что там может появиться? – удивилась Бланш.

– Ну мало ли что? Мухи, – усмехнулся доктор Бонэ. – А иногда, после шторма, в доме повсюду песок, хотя пляж не так уж близко, а окна закрываются плотно. Но вот насчет этого не беспокойтесь, мадемуазель Пароди.

– Мадам, – с лёгким вздохом поправила Бланш. – Хотя, знаете... Давайте по-простому, раз уж мы впряглись в одну повозку! Я Бланш, а вы Жан-Луи. Идёт?

– Хорошо. Итак, Бланш, твоя главная забота – Этьен. Мадам Анри кормила его три раза в день только свежеприготовленной пищей. Он всегда ест один, только свежее, в определённые дни – определённые блюда. Книга рецептов и меню в угловом шкафчике, вон там. Когда Этьен что-то ломает, надо обезболить – лекарство в ящике комода, в его спальне, а потом залечивать перелом при помощи артефакта – «гале»,

он обычно лежит на столике у кровати. Но у меня всегда с собой такой же – можете взглянуть. Магические минералы выделяет муниципалитет, но их не всегда хватает. Погасшие можно заряжать в любой конторе «Соврю минерал». Обычно перелом не срастается сразу же, только после пяти-шести сеансов, это дня три. Это что касается закрытых переломов, открытые же...

Бланш прикрыла глаза. Сколько условий, правил, сложностей! Но, пожалуй, если доктор будет приходить почаще и вот так смотреть, а лучше держать за руку, гладить пальцем по нежному и чувствительному основанию ладони и вести неспешные беседы – она, пожалуй, согласится.

– Бланш?

– Да, Жан-Луи.

– Вы, кажется, задремали.

– Скорее замечталась.

– Итак, продержись хотя бы месяц. А лучше подружись с ним и останься надолго. Этьен долго привыкает к людям.

– А если я не продержусь?

– Я лично найду тебе другое место. Хорошее место, – тут доктор Бонэ улыбнулся самой приятной и располагающей улыбкой.

– Жаль, что вам сиделка не нужна, – вздохнула Бланш.

И с удивлением спохватилась: она что, только что предприняла неуклюжую попытку флирта?

– То есть хорошо, конечно, что не нужна, вы здоровы, да

вы ведь и сам доктор...

– Мы ведь перешли на ты, Бланш, – напомнил Жан-Луи.

– Да, точно, – засмеялась Бланш. – Но всё-таки мне сегодня досталось. Этот ваш... твой друг – он, кажется, совершенно не уважает женщин.

– Думаю, это временное недоразумение, мадемуазель, – Жан-Луи тоже позволил себе скупую улыбку. – Я тебя пока оставляю и, надеюсь, мы скоро встретимся.

Она покивала, отчего-то смутившись, как будто доктор позволил себе вольность. А ведь нет! Он себя вёл очень вежливо, с уважением – не то, что Этьен. Доктор отлично понимал, как себя вести с женщинами и наверняка, ну уж точно был приятен в более близком общении. Провожая его, Бланш не могла об этом не думать. То, как невзначай касался он её руки, как на прощание посмотрел, поправляя шляпу... Всё это пробудило в новоявленной сиделке семнадцатилетнюю девчонку, которой когда-то так отчаянно хотелось приключений и любви. И которая точно так же смущалась, когда парни проявляли к ней интерес!

Но к сорока годам Бланш отлично научилась держать эту девчонку в узде. А работа в салоне красоты заставила пересмотреть взгляды на служебные романчики. Так что она повязала передник, который нашла на кухне – новенький, в нераспечатанном фабричном пакете – и принялась хлопотать по хозяйству. В смысле, помыла чашки и кофейник, протёрла столешницу, открыла книгу рецептов мадам Анри.

В холодильнике нашлось немного овощей, намертво замороженные говяжьи котлеты в пластиковом контейнере, подписанные «ужин, среда», яйца и молоко. Был понедельник, близился обед, но в меню на сегодня стояли куриный суп, фрикадельки и овощное пюре, и взять их было положительно негде.

То есть, конечно, Бланш могла бы пробежаться по лавочкам и всё купить. Только пока она готовила бы еду, Этьен дождался бы обеда только к ужину. А время близилось к часу дня, так что Бланш ещё немного полазила по шкафчикам и полочкам и создала обед буквально из ничего.

На запахи из комнаты выполз Этьен. Он шаркал тапочками и хватался за стеночку, а пострадавшую правую руку неловко держал на весу. На красивом лице застыло кислое выражение, и только в глазах Бланш увидела куда худшую боль.

– Что вы тут делаете? – спросил он таким тоном, словно застал на кухне грабительницу.

Такую симпатичную грабительницу в клетчатом красно-белом фартуке и шейной косынке, которой Бланш повязала волосы.

– Готовлю обед, – бодро доложила она, поправляя выбившуюся прядь, – извините, что не по меню. Я бы не успела.

– Мадам Анри всё успевала, – сказал Этьен, но не грубо, а скорее тоскливо.

– Вам её не хватает, – сказала Бланш, с усилием отказав-

шись от ряда возражений и оправданий. – Я понимаю. И постараюсь впредь готовить всё так, как вы привыкли. По мере скромных сил, потому что я не мадам Анри.

– Это я вижу, – окинув её взглядом, словно всё ещё не в силах сполна оценить масштабы катастрофы, вздохнул Этьен. – Жду в столовой.

– «Жду в столовой», – передразнила, едва он вышел, Бланш. – Принц Франкийского королевства, никак не меньше!

Но королевства давно уже не было, а была свободная республика, и люди в ней давным-давно считали себя свободными, так что у сиделки имелось право накрыть в кухне и позвать Этьена сюда. Однако она этим правом пренебрегла, потому что её собственная квартирка сейчас состояла из единственной комнатки, где за ширмой стоял умывальник, а плита находилась в двух шагах от продавленного дивана. В связи с чем хотелось пообедать по-человечески.

Она отыскала в кладовке сервировочный столик, нагроутила его нехитрыми блюдами и отправилась накрывать на стол.

ГЛАВА 3. ЭТЬЕН

В столовой он снова повёл носом. Пахло не очень. Насколько плохим поваром надо быть, чтобы испортить пасту и замороженные котлеты? Что надо положить в салат, чтобы сделать его несъедобным? Но часы беспощадно показывали четверть второго, а обед пропускать было нельзя. Мад-

лен всегда сердилась, если Этьен садился за стол не ровно в положенный час!

Вторым раздражителем была сама Бланш. Слишком яркая и уверенная в себе, слишком красивая. Она накрыла на стол, и Этьен тут же не преминул заметить:

– Я принимаю пищу один.

– Вы принимали её один. А теперь настала новая эра, – объявила сиделка. – Эра обедов в моей компании. Знаете, Этьен, – сказала сиделка, – доктор Бонэ ясно дал понять, что вы безумно одиноки. Так зачем усугублять это одиночество?

– Что, простите? – не понял Этьен. – Вы обсуждали с Жаном-Луи мою личную жизнь?

– Нет, только перечень моих обязанностей, – отрезала Бланш сердито. – Давайте я положу вам еды. А теперь сяду напротив и выслушаю ряд ваших претензий. Но не затем, чтобы вы испытали удовольствие, распекая меня, а чтобы понять, как мне тут с вами выживать целый месяц.

– Я привык, что мадам Анри уважает меня, – начал Этьен.

– О, вот как? Я тоже привыкла, чтобы меня уважали. А вы... Вы даже не хотите сидеть со мной за одним столом. Недостаточно хороша для вас?

«Слишком хороша!»

Он мрачно уткнулся в тарелку. На вид паста была не очень, и котлеты странно пахли, но вкус был вполне сносный. А капустный салат, политый вместо оливкового масла ореховым и зачем-то украшенный каперсами, оказался даже

интересным.

– Какие на сегодня планы? – спросила Бланш, с явным удовольствием поедая пасту.

Неизбалованная хорошей кухней. Простая. Или она не то, чем кажется? Но у таких миловидных, пышногрудых, ясноглазых женщин вряд ли может быть двойное дно.

– У меня нет на сегодня планов, разве что успешно убить время от обеда до ужина, – ответил Этьен.

– А чем вы занимаетесь, когда планы всё-таки есть? – любопытствовала женщина. – Чем вообще вы зарабатываете на всё это, включая меня?

Всё-таки простая. И довольно беспардонная.

– Вам не понять, – ответил Этьен.

– Не понять, что у вас большое наследство осталось от родителей? И вы просто живёте на пассивный доход от каких-нибудь акций? Ну это да, сложно постичь бедной девушке.

– Вы не слишком-то вежливы.

– А вы очень скрытны.

– А вы... Разведённая, с ребёнком или с двумя, скорее всего, оба мужского пола и достаточно взрослые, чтобы вам не приходилось ежечасно за них беспокоиться. У вас нет ни дохода, ни накоплений, вы покупаете одежду раз в год на распродаже в универсальном магазине... Вас не так давно уволили из парикмахерской или солярия, вы питаетесь замороженными быстрыми обедами из дешёвых магазинов и не

умеете вязать.

– Ого, – сказала Бланш, забавно округлив красивые губы.
– Вы что, где-то успели подглядеть моё личное дело, пока спали? В этом ваш талант, вы маг-сновидец... да? Или у вас гадательный салон и вы увидели всё про меня в волшебном хрустальном шаре? Но я здесь ничего такого не видела, когда доктор показывал мне дом!

– Маги-сновидцы? Нет. Достаточно ума и наблюдательности.

– Ну тогда признавайтесь, как по мне можно понять, что у меня есть дети?

– Сын, – сказал Этьен уверенно, потому что она чуть сбилась перед тем, как сказать «дети». – Вы подали мне сигнал, и я считал его с ваших глаз, с вашего лица. Язык тела и жестов – отличный подсказчик.

– Да?

– Да. Матери дочек обычно чуть более мягкие. В общении со мной вы выбрали такой тон... И делаете такое лицо, – добавил Этьен, – будто привыкли распоряжаться направо и налево, воспитывая сына. Только прошу помнить: я не ваш сын, мадам Паради.

– А хотите, я тоже вам погадаю? – уязвлённо улыбнулась Бланш, как будто он чем-то её обидел. – Вы злитесь на весь мир и на себя, потому что ваша несдержанность когда-то сыграла с вами злую шутку. И никого не любите. Вы даже своего друга-доктора не любите, но, скорее всего, дело в рев-

ности или зависти. Это очень плохие чувства, знаете, да? У вас не было секса как минимум десять лет, да и тот последний раз был неудачный. Вы прячетесь от людей, в особенности от хорошеньких девушек, потому что до смерти боитесь, что вам нечего им дать, кроме, наверное, денег, а это так неприятно: отношения ради денег. Вы и меня боитесь, хотя, наверное, не считаете хорошенькой девушкой, раз мне уже сорок. И смертельно обижены на вашу мадам Анри, что она вас бросила. Всё, что, по-вашему, у вас осталось – это устои. Расписание, меню, когда известно наперёд, что завтра будут телячьи отбивные и брокколи, а послезавтра блинчики с джемом и рубленые бифштексы. Вы боитесь всё это поменять – так боятся дети и старики. Но жизнь изменилась. Ничего не поделаешь, Этьен. Вы сами втайне надеялись на это – и вот.

– Что – вот?

– Всё меняется! – торжествующе сказала Бланш и отсалютовала стаканом с водой, словно это был бокал вина. – Быть может, это начало дружбы.

– С вами? – удивился Этьен. – Нет, исключено. К тому же вы несколько раз ошиблись. В наблюдательности и внимательности вам не откажешь, а вот выводы неверные.

– В чём же неверные? Очень интересно узнать, – с улыбкой сказала Бланш.

Да что ж она так часто улыбается-то?!

– Вы считаете, что я на что-то надеюсь. Этот вывод вы сде-

лали потому, что я оставил дверь открытой, – сказал Этьен. – И сейчас, говоря о надежде, рассчитывали, что я удивлюсь вашей проницательности, спрошу «а как вы догадались?» Но нет. Я не запираю дверь именно потому, что ни на что не надеюсь.

– Даже на то, что вас могут ненароком прибить? – спросила Бланш.

Видимо, она решила окончательно вывести его из себя. И Этьен даже едва не заявил, что терпение у него иссякло. Но он усилием воли сдержал этот порыв.

– Даже на это. Мне просто лень вставать всякий раз, когда приходит очередная претендентка. Но завтра дверь будет закрыта, уверяю вас.

– Почему же?

– Её запрёте вы, потому что не привыкли жить с распахнутыми дверями.

– А если...

– У вас будет ключ. Он висит в прихожей, вы легко его найдете.

– Я нанята?

– У вас испытательный срок, потому что мне не хочется менять агентство. Это бесполезно. А через месяц или я к вам привыкну, или возьму другую сиделку. И давайте договоримся, раз уж нам придется существовать рядом, по возможности обходиться без этих словесных поединков.

– Как?! – удивилась и обиделась Бланш. – Только-только

нормально разговаривать стали – и вдруг «обойдёмся»?

– Нормально? – слегка растерялся Этьен.

– Вы не находите, что пикировки освежают и бодрят? Вон вы какой были снулый, как вчерашний карп. А теперь даже румянец появился.

Она вдруг нахмурилась, встала и бесцеремонно приложила руку к его лбу – внутренней стороной запястья. Духи у неё были определённо приятные.

– Эх, – вздохнула так, что прямо перед носом Этьена колыхнулась мягкая и зрелая грудь. – Это не вы освежились, это я прозевала, что у вас жар. Где там у вас этот лечебный артефакт, как его? Галю?

– Гале, – поправил Этьен, ёрзая на стуле. – Да, если можно, несите... быстрее.

Бланш наконец-то оторвала руку от его лба и побежала в спальню, а Этьен медленно выдохнул. Выпил стакан воды и постарался успокоиться. Это давалось с трудом.

Насчёт секса Бланш была не совсем права, но рассказывать о том, как мадам Анри помогала справиться с напряжением, он ещё никому не решался. Это было нечто постыдное, и почти ничего приятного Этьен не испытывал.

Но хотел ли он, чтобы новая сиделка исполняла эти обязанности? Точно нет. Неволить такую женщину, заставлять делать такие вещи... Он лишь представил эту ухоженную руку в резиновой перчатке – и тут же поморщился.

– Я нашла там у вас жаропонижающее, но оно разжижает

кровь, – сообщила Бланш, – это ничего?

– Это даже хорошо, – ответил Этьен, – если, разумеется, не злоупотреблять.

– Ладно, – не успел он опомниться, как Бланш сунула ему в рот таблетку. – Вот, запейте.

– У вас всё-таки сын. Вы умеете командовать.

– А может, это просто кто-то пытается изображать мальчишку, хотя ему за сорок?

– Мне тридцать девять.

– На ощупь тоже примерно столько же. Пейте, пейте ещё, и не спорьте. Когда жар, важно много пить. Давайте вашу руку. Ух, какая горячая. Как этим гале пользуются, вот так?

Второй стакан воды оказался очень даже кстати, потому что новое прикосновение заставило Этьена вспотеть.

И она усердно стала водить по сломанному основанию большого пальца артефактом.

– Да, – сказал Этьен, от нахлынувшей ниоткуда эйфории едва ощущая боль. – Только ещё немного ослабьте нажим.

– Да я и так еле касаюсь!

– И правда...

Кажется, ему начинала нравиться неуклюжая забота Бланш.

Но, возможно, это всего лишь оттого, что она красива, а он одинок.

ГЛАВА 4. БЛАНШ

Первый день оказался настолько волнующим и выматывающим, что она едва не забыла прихватить историю болезни и книгу рецептов мадам Анри. И без того объёмная сумка стала просто огромной и раздутой, когда в неё упихали столько всего. А вот ключ так и остался где-то в прихожей нескромной двухэтажной квартиры в доме на Морской улице. Ну ничего, наверняка такой наблюдательный мужчина, как Этьен, поймёт, что ключ забыт и дверь надо снова оставить незапертой.

И всё-таки, сколько новый работодатель ни ворчал, что всё ему не то, он был рад. Бланш могла в этом поклясться. Когда она перестилала ему постель, он смотрел, не отрываясь. Да и ужин сдержанно похвалил, хотя Бланш совершенно точно знала, что еда из её рук всегда далека от совершенства.

Домой она поплелась пешком, ноги гудели и ныли от усталости, к тому же ремешки давно лежавших без дела скромных туфель натёрли лодыжки. Но едва Бланш миновала перекрёсток Морской и Лавандовой, как проезжавший мимо автомобиль притормозил. Водитель нажал на грушу клаксона, и Бланш узнала старого знакомого из Монпансьеля.

– Вот как, Роже, – сказала она удивлённо, – ты, оказывается, преследуешь меня?

– Добрый вечер, Бланш. Преследую! И, судя по этим ямкам на щеках, ты ничуть не против, – ответил ей приятный седой, но ещё вполне крепкий мужчина в автомобиле. – Не ожидал такой поздней встречи, но рад ей.

– Ты тут по делу или отдыхаешь?

– Присматриваю домик на лето, – признался Роже. – В мае уже поздно, все хорошие места уже разобраны, но что поделаешь! Слушай, я слышал, что у тебя проблемы, может, расскажешь? Я могу помочь.

– Нет у меня никаких проблем, – сказала Бланш, поправляя сумку так, чтобы она как бы загораживала её от старого знакомого. – Послушай, я иду домой с работы, мне бы немного отдохнуть.

– Отлично. Садись, раз устала – заедем в бар, потом к тебе. А то я уже смирился с мыслью, что буду ночевать в машине.

Она отступила на полшага от проезжей части, но проходивший мимо человек тут же толкнул в спину. Получилось неловко: словно что-то направило Бланш к машине и к прошлой, давно забытой жизни. Она и в Монпансьеле-то жила недолго, пока изучала парикмахерское дело, а вот поди ж ты, какой богатый получила опыт! Дело-то ведь не только в Роже Дюран, сколько их тогда таких было, обеспеченных и не очень, пока Бланш не поняла: не выйдет. Не получится просто так заполучить богатенького мужа, да чтобы ещё и приятен ей был, не получится влиться в столичную жизнь. Не выйдет устроиться так, как устраивались многие женщины. Роже, пожалуй, был из сборника не самых печальных повестей.

А сейчас вот, быть может, получится выгодно сдать ему домик. Та мадам с двумя малышами, что жила там сейчас,

всё время задерживала плату.

– Ночевать ты, допустим, будешь в гостинице, – сказала Бланш, когда Роже вышел и открыл перед нею дверцу авто, – потому что я сдаю дом и живу на съёмной квартире. Хозяйка запрещает водить туда мужчин, – тут она немножко приврала. – Но выпить я, пожалуй, не прочь.

– Вот и хорошо. Расскажешь, как ты, как твой сынишка...

– Ну а что сынишка? Он уже большой мальчик, будет магом, получит хорошее место...

– Вот как! Магом! Мой отец был магом, но вот я ничего не унаследовал, – оживился Роже.

Этот разговор продолжился и в баре. Мужчине, казалось, было действительно интересно слушать о жизни Бланш и о Пьере-Антуане.

– Он у тебя красавец, наверняка любимец девушек, – сказал Роже после пары шотов. – Но совсем на тебя непохож! Ни светлых волос, ни ямок на щеках.

– Ну да, он в отца, – улыбнулась Бланш, исподволь сравнивая отца Пьера-Антуана со своим собеседником.

Ей нравились мужчины темноволосые, смуглые, но что Роже, что Бастиан, бывший муж, были белокожими шатенами. Впрочем, на этом сходство заканчивалось. Пьер-Антуан унаследовал от Бастиана чёткий профиль с красивым крупным носом и волевым подбородком. А Роже... Его красота была весьма условной и очень простой. Как сказала бы мама – «деревенской».

– Давай ещё по порции, за нашу встречу, – предложил мужчина.

Вскоре Бланш изрядно повело от горячительных напитков. Беседы с Роже и его искусные ухаживания сделали своё дело: она размякла. Очнулась уже в его машине, в его объятиях. В темноте влажно блеснули глаза мужчины, склонившегося над нею. Он умело целовал губы и уже расстегнул на груди блузку. А теперь искал застёжку бюстгальтера...

– Постой, – сказала Бланш. – Не надо, я не хочу этого снова.

Он резко отстранился.

– Прости. Ты до сих пор такая... соблазнительная, что у меня голова кругом. Как можно оставаться такой прекрасной, ума не приложу.

– Семнадцать лет прошло, – сказала Бланш, у которой тоже здорово кружилась голова, хотя обычно такое количество алкоголя её раньше не брало. – Уверена, что ни тебе, ни мне этого не надо.

– Ты замужем?

– А если да?

– А я в разводе.

– Это не имеет значения, Роже. Мне лучше пойти домой.

– Я отвезу тебя! – сказал он, выпрямляясь на сиденье и застёгивая рубашку.

Бланш с некоторым сожалением отвела взгляд от мужской груди. Роже был в отличной форме в свои «за пятьдесят».

Как ей помнилось, он был очень хорош в постели, к тому же никогда её не обижал. Это выгодно отличало Роже Дюрана от других мужчин, которые липли к Бланш, как мухи к сладкому пирогу.

– Не надо, – сказала Бланш. – Дойду сама.

Но у неё никогда не хватало духа как следует ему возражать. Что бы ни взял в свою голову Роже, он от своих намерений отказывался редко. Да и вино как-то очень уж подействовало, Бланш чувствовала себя совсем одурманенной. Настолько, что уже плохо помнила, куда в итоге свернуло сверкающее чёрное авто.

И всё-таки удивилась, что утро застало её и Роже вместе, в одной кровати в гостиничном номере на краю Сен-Фило. Море плескалось так близко, словно хотело ворваться в окно.

– Сегодня ветрено, – сказал Роже, потягиваясь и демонстрируя подтянутое, мускулистое тело во всей красе.

Бланш смутилась и поплотнее прикрылась простыней. Её смущало, что она за последние годы располнела, приобрела чересчур пышные бёдра и мягкий живот, и что грудь потяжелела и стала не такой упругой. Мужчины как-то лучше сохраняются в возрасте, если, конечно, не злоупотребляют пивом и жирными свиными рёбрышками к нему!

– Который час? – спросила она. – Мне, наверное, пора бежать.

– Куда тебе бежать? Сегодня у тебя выходной день, – за-

смеялся Роже, хотя был четверг. – Бежать некуда, давай лучше съездим посмотрим дом, который ты сдаёшь. Поселюсь у тебя на лето? С тобой вдвоём, только ты и я. А?

У Бланш пересохло в горле, и она не смогла сказать «нет», но отчаянно замотала головой. Что-то её в этом не устраивало и даже слегка тревожило. И потом, она почему-то очень смутно помнила прошедшую ночь и сожалела о том, что осталась. Какой смысл заниматься сексом, если потом даже ничего не припоминаешь, ни удовольствия, ни хоть каких-нибудь пикантных деталей?! Хотя бы – предохранялись они или нет?

– Это всё ошибка, мне не следовало с тобой оставаться, Роже. Сколько времени?

– Половина девятого. Куда тебе спешить? Где ты работаешь?

– У одного... у одного человека. Сиделкой, – Бланш с ужасом подумала, что ей надо было появиться у Этьена к восьми. – Отсюда можно позвонить? И ещё... здесь поблизости есть магазины?

– А давай я найму тебя своей сиделкой, – предложил Роже и мягко опрокинул Бланш на спину. – Хотя тебе по большей части придётся лежать...

Но она, в ярости от такого предложения, решительно вырвалась и, даже не забежав в душ, подхватила одежду и туфли, разбросанные по полу. На глаза попались два использованных презерватива. Хвала тебе, господи, Роже всё-таки

оставался верен своим старым привычкам.

Она принялась торопливо одеваться, Роже не уговаривал остаться, но несколько раз спросил, где её искать. Бланш только стиснула зубы и думала о том, что придётся как-то от него отвязаться, а это будет нелегко. Однако сейчас её больше волновало, куда подевалась сумка.

– Осталась в машине, – ответил на её вопрос Роже, – наверное. Я не видел.

Конечно, не видел... они были пьяны от алкоголя, возбуждены. Наверняка суматошно обнимались, срывали друг с друга одежду ещё не дойдя до номера – уж Бланш это, хоть и не помнила, но вполне представляла.

– Если сумка не найдётся, то хоть сразу топись, – вздохнула она. – Послушай, если ты найдёшь мне завтрак навывнос, хороший завтрак, с горячей кашей или омлетом, с желе, апельсиновым соком и вкусным кофе – я найду тебе жильё на лето. Но вот женщину для приятного отдыха ищи сам.

– Я уже нашёл, – полувопросительно произнёс Роже.

– Я занята. У меня есть мужчина. Ты достаточно благороден, чтобы не пытаться меня с ним рассорить, – отрывисто сказала Бланш.

После его слов про то, что она может пару месяцев полежать с ним в роли якобы «сиделки», она в этом благородстве сильно сомневалась. Но если мужчине намекнуть на то, как он в чем-то прекрасен, это может сработать.

Роже вздохнул, приобнял её сзади и вызвал портье:

Бланш, роясь в номере в поисках сумки, тем не менее отчётливо слышала, как он в дверях разговаривал с юношей насчёт завтрака.

В ожидании доставки завтрака Бланш наскоро умылась в ванной комнате, почистила зубы и мельком взглянула в зеркало. Всё было не так уж плохо. Но косметичка тоже осталась в сумке. Так что всё, что смогла Бланш, это пальцем стереть осыпавшуюся тушь под глазами и собрать волосы в небрежный пучок. Вот так, теперь уже не похоже на доступную женщину, возвращающуюся домой спозаранку! Еще бы как-то разгладить помятую блузку!

– Вот завтрак, а вот сумка, – сказал Роже, когда Бланш вышла из ванной, – она и правда нашлась в машине. Бланш... Ты всё-таки подумай о моём предложении. Я заплачу, сколько ты скажешь.

– Спасибо тебе, Дюран, но я правда спешу, – думая о том, как же неприятно будет идти по улицам в мятой блузке и со стёртыми ногами, сказала Бланш.

– Хотел бы я, чтобы ты спешила ко мне. И чтобы так же обо мне заботилась, – Роже взял Бланш за талию, а когда её так касались, женщина теряла волю и разум.

Почему-то именно талия у неё была весьма чувствительная к прикосновениям. Не будь между кожей и пальцами Роже ткани блузки – Бланш бы уже отдалась ему.

– Роже, мне пора. Я не хочу больше встречаться, я и вчера не хотела...

– Ты подумай. До вечера. Встретимся вечером у входа в отель, хорошо?

– Нет, я уже подумала, серьёзно. Давай считать, что это была ошибка.

Он хотел возразить, но тут постучал портье.

– Я взял на себя смелость и попросил парнишку остановить для тебя такси. Так что тебя ждёт машина.

У неё не было ни единого лишнего лювре на такси, но Роже оплатил проезд. После чего Бланш окончательно стало неловко, что она отвергает предложение пожить вместе.

Но и быть отпускной женщиной Дюрана на пару месяцев – так себе «работка». К осени придётся искать новое место. А вот работу у Этьена она уже решила считать своей! С Ленуаром не так уж просто будет найти общий язык, но можно постараться, зато там есть активная поддержка в лице симпатичного доктора Бонэ.

И если месяц стажировки пройдёт как надо, то у Бланш будет постоянная работа на много лет вперёд.

ГЛАВА 5. ЭТЬЕН

Так он и знал, что Бланш не придёт. Она вчера не взяла ключ.

Этьен понял, что огорчён. Прошёлся по квартире, провёл рукой по поверхностям, которые вчера избавились от тонкого налёта пыли. За едой можно послать кого-нибудь, не беда. Уборку сделает приходящая домработница. И друг у него

есть, Жан-Луи, жаль только, он так часто занят со своей бесконечной практикой.

И даже мадам Анри ему не так уж нужна, хотя иногда по привычке Этьен ждал, что она появится и начнёт ворчать: то не так и это не этак. Нет, ему, кажется, не хватало именно яркой женщины, не боящейся испортить обед и вступить в перепалку. Этьен впервые за много лет крепко спал и не пытался перехитрить время, а просто считал минуты до появления Бланш.

Сначала с нетерпением. Потом с раздражением. А теперь уже разочарованно – потому что часы уже показывали полдесятого и становилось понятным: Бланш Паради не придёт.

Этьен подошёл к окну. Отметил про себя, что стекла не мешало бы помыть. На руках у него были мягкие перчатки, чтобы не повредить нежные костяшки пальцев, открывая створки. Снаружи оказалось шумно – проезжали куда-то машины, раздавались трели велосипедных звонков, бежали стайками дети и взрослые, смеясь и галдя. Май, торопясь, пробежал мимо дома Ленуара. Бежал прочь из духоты города – к пляжам, лиманам, рощам и паркам. А Этьен давно перестал выходить больше, чем на пару минут в этот враждебный к нему мир из квартиры, где все углы были скруглены, а опасные поверхности обиты чем-нибудь мягким. И поэтому сейчас никуда не спешил и не бежал.

А вот сердце вдруг толкнулось изнутри... и поскакало галопом. Потому что напротив подъезда припарковалось яр-

ко-жёлтое такси, а из него, торопясь и путаясь в сумках и пакетах, выбралась женщина в серой юбке и розовой блузке. Туфли на среднем каблуке, чудесные ножки с полными икрами, весьма выдающиеся бёдра и грудь, растрёпанные светлые волосы и, главное, тревожная и суматошная улыбка – это она, она, Бланш Паради! Встретившись взглядом с Этьеном, женщина подняла руку, на локте которой висела светлая кожаная сумка, и кокетливо пошевелила пальцами. Этьен рассеянно отразил жест.

Но, пока шёл отпирать дверь, успел справиться и с дыханием, и с сердцебиением, зато подобрал немало слов для выговора. Бланш, однако, слегка подвинула Этьена плечом и вошла – на ходу со вздохом облегчения скидывая туфли. Так вольготно себя никто никогда здесь не вёл!

– Мадам Паради! – гневно воскликнул Этьен. – Вы опоздали на полтора часа!

– Простите, мсье Ленуар, – смиренно ответила Бланш из кухни.

– Вы бросили обувь посреди прихожей!

– О, простите, я ещё вчера натёрла ноги, – проворковала нежная Бланш, – если не возражаете, похожу босиком...

– У меня где-то лежали домашние туфли для гостей, – буркнул Этьен.

– Хорошо, я поищу, а свои туфли уберу, мсье Ленуар, буквально через минутку уберу!

И почти тут же столкнулась в прихожей с Этьеном, кото-

рый и не думал уходить прочь от возмущившей его обуви: одна туфля тут, другая там. Безобразие! Бланш прошла мимо, и он уловил запах. Это ещё сильнее возмутило Этьена.

– Бланш! От вас несёт перегаром, на вас несвежая одежда, от вас...

От неё так и несло приключениями. Не в самом худшем, но и не в лучшем смысле слова. Этьен слегка прищурился, считывая с Бланш почти невидимые знаки, пока не наткнулся на вполне видимый след засоса, плохо скрытый блузкой. Какой-то подлец оставил эту метку на нежной коже плеча, возле шеи, и это разозлило Этьена.

– Вы пришли в таком виде!

Но Бланш сегодня не была настроена на пикировки.

– Извините, мсье Ленуар. Я постараюсь, чтобы такое не повторилось, приму все возможные меры, – сказала она мягко... и виновато.

В её голосе не слышалось довольства пресыщенной любовью самки, в её поведении не просматривалось никакого удовлетворения. Зато какая-то заноза досады явно засела у Бланш в груди – и оттого новая сиделка нервничала, покусывала губу и отводила взгляд.

– А ещё вы пришли слишком поздно. Я голоден, – заявил Этьен, сбавляя накал. – И извините, что накинулся на вас за опоздание. Мадам Анри обычно никуда не уходила, а если брала выходной – появлялась ровно в восемь утра. И готовила завтрак...

– Я принесла завтрак с собой, а к обеду всё куплю, – пообещала Бланш, слегка расслабляясь.

Снова улыбнулась. Ямки на щеках так и заиграли. Невозможная женщина.

– Вас невозможно отчитывать, вы... – начал он.

– ...Слишком прекрасна, – договорила за него мадам Пароди. – Идёмте, завтрак ещё горячий. Здесь овсяная каша на молоке, бутерброды с ветчиной и салатом, сыр и клубничное желе. Ммм, сладкое, – она достала две маленьких розетки с желе и сунула в одну из них палец, который тут же беззастенчиво облизала.

Этьен схватил со стола картонный стаканчик с кофе и сделал большой глоток. Обжёгся, закашлялся – но зато с успехом скрыл, что покраснел, как мальчишка.

– Вы не слишком-то сдержанны, – заметила Бланш строго. – Сядьте и поешьте по-человечески, вы же не неделю голодали, а только одну ночь.

– А вы привыкли муштровать мальчишек, – парировал Этьен. – Кстати, далеко не на всех мужчин действуют повышение тона и приказы!

– Ну и не на всех женщин, если уж на то пошло, действуют нотации. И знаете, мсье Лемуар, я не подтверждала, что у меня есть сын, – сказала она, придвигая к нему лоточек с кашей из ресторана – такие всегда дают на вынос, они очень неудобные, и Бланш вполне могла бы переложить овсянку в нормальную тарелку.

Но Этьен взял ложку и попробовал – и в лотке, и в тарелке ничего не изменилось бы, это была бы та же унылая овсяная каша, которую он не любил... По понедельникам, конечно же, а не по четвергам.

– У вас есть сын, но он уже вырос и учится в другом городе, – сказал Этьен.

– Думаю, навести справки было несложно, у вас наверняка связи, – усмехнулась Бланш и взяла из пакета свежий круасан, который задумчиво надкусила.

– Гораздо интереснее узнавать всё самому, по лицу, по невидимым никому отпечаткам, по интонациям... по глазам, – Этьен окинул женщину долгим взглядом и нахмурился: состояние Бланш ему не понравилось. – Например, я вижу, что вы опоздали не просто так. Вчера слегка перебрали в баре, ночь провели с мужчиной в гостинице. Причём он едва ли не силой добился своего, вам не особенно хотелось вступать с ним в связь.

– Это-то вам откуда знать? – нахмурилась Бланш.

– А непохоже, чтобы вам было хорошо.

– Мне было хорошо, он прекрасный любовник. Мы давно знакомы, и этот человек когда-то даже предлагал стать его женщиной...

– Но жениться не хотел, – кивнул Этьен. – А теперь, спустя несколько лет, внезапно оказался рядом с вами и... Хм!

Он протянул руку через стол и коснулся пряди волос, выбившейся из небрежного пучка.

– А ну-ка не трогайте, – слегка насторожилась Бланш.

– Мне нужен ваш волос.

– Ай!

– У вас покраснели нижние веки, а уголки рта запеклись.

Это бывает, когда...

– Когда выпьешь, не выспишься и забудешь подкраситься,

– ворчливо сказала Бланш. – Мсье Ленуар, я вижу, что нам необходимо установить определённые границы.

– Уверен, что необходимо, – кивнул Этьен, доставая из углового шкафчика пробирку и помещая туда добытый волос. – Обговорим это позже. К сожалению, вы уже поели и глотнули кофе, не то я бы попросил у вас немного слюны. Впрочем, если вы сморкнётесь в эту ёмкость, – он извлёк ещё одну пробирку, – это может помочь следствию.

– Не буду я сморкаться, фу. Вы вообще кто? Алхимик, что ли? – возмутилась Бланш. – Или полицейский?

– Пусть будет алхимик. Мне кажется, ваш любовник немного...

– А хотите, я вернусь туда и принесу вам презерватив с семенной жидкостью? – сердито и вспльчиво спросила женщина.

– Это было бы нелишне... но не обязательно. Сам-то он может быть чистым, но вот вам что-то подмешал в питьё.

Этьен пошарил на полке, зашипев, когда задел пострадавшим вчера и ещё не вполне залеченным пальцем за чугунный котелок размером чуть больше чайной чашки. Да, вот

здесь у него стойка с необходимыми реагентами, и если смешать номер два и номер четырнадцать, а потом добавить одну каплю раствора... А теперь бросить в полученную смесь волос.

– Вот видите?

– Вода покраснела, – сказала Бланш.

– Это не вода. Но да, прозрачная жидкость приобрела багровый оттенок. Постепенно она станет оранжевой, если в волосе содержится отравляющее вещество «солима», или делается серой, почти чёрной, если это «белль-дормон».

Спустя приблизительно полстакана выпитого кофе вещество почернело, и Бланш зажмурилась.

– Не хочу даже думать, зачем ему это, – сказала она. – Мы же случайно встретились.

– Случайно ли? – спросил Этьен.

– Вам-то какое дело? – фыркнула Бланш. – Вы что, в полиции работаете? Ведь нет?

Он привык не отвечать на вопросы о том, где и кем работает, поэтому лишь пожал плечами.

– Расскажите, как вы встретились с этим мужчиной, Бланш, – попросил он.

– У вас что, нет никаких дел на сегодня?

– Сегодня обычный день, который я собирался провести, тупо убивая время. Вы спасёте его от смерти... Уже спасли, раз уж день так необычно начался.

– Ааа, – протянула Бланш, – вам со мной интересно! Ну

хорошо... А нам обязательно сидеть здесь, в кухне?

– Необязательно. И... раз уж вы так безбожно натёрли ноги, можете воспользоваться моим гале для лечения.

– Ой, да стоит ли расходовать ценный минерал на такие пустяки? Пара пластырей, и всё пройдёт, – сказала Бланш, старательно делая вид, что её ничего не волнует и что всё в порядке.

Хотя ничего не было в порядке. У неё подрагивали пальцы, она сжимала губы. В уголках покрасневших глаз резче прорезались мелкие морщинки. У Бланш были серьёзные проблемы с ментальным здоровьем.

Конечно, мозоли были на этом фоне пустяками. Но начинать, как известно, лучше с малого... и с простого.

– Пара пластырей тут не поможет, – сказал Этьен, заглядывая под стол.

Бланш тут же поджала ноги под табуретку. Но он, разумеется, давно заметил, что тонкие чулки прилипли к кровавым мозолям от туфель.

– Зачем женщины только носят эти орудия для пыток, – пробормотал он.

– Это удобные туфли, – возразила Бланш, – просто мне пришлось в них много ходить.

– Удобная обувь как раз и создана, чтобы в них можно было без опаски пройти много миль и не охрометь на все ноги, – покачал головой Этьен. – Надо лечить.

И вдруг ясно представил, как они могли бы устроиться в

гостиной на диване: она села бы в угол, положила пострадавшие ноги ему на колени, и он снял бы чулки, чтобы полечить мозоли артефактом, водя его вверх-вниз по маленьким ступням и стройным лодыжкам.

Чёрт знает что, вот что. Вот потому ему и нужна была пожилая сиделка: чтобы в голову не лезли такие мысли.

И потому просто принёс Бланш гале из ящика комода, не глядя, сунул в её руки артефакт и вышел из гостиной. В душевой умылся наскоро, набирая в горсти холодную воду и плеская её в лицо. Надо было избавиться от лишних мыслей, освободить голову для более насущных.

Какой-то мужчина, подпоив его сиделку в баре, отвёз к себе и занялся с нею сексом... с бессознательной и беспомощной женщиной. Причём, подлец, подготовился к этому заранее! У него был при себе не только дурман, но и презервативы. Не очень понятно только, нужна ли этому мужчине именно Бланш Паради, или сошла бы любая представительница женского пола. Для этого стоило выяснить, кто он. Пока эта проблема существует, исцелять ментальное здоровье Бланш бесполезно: всё сорвётся, едва её знакомец появится вновь.

ГЛАВА 6. БЛАНШ

Хорошо, что Этьен оставил её одну хоть ненадолго. После увиденного и услышанного Бланш изрядно потряхивало. Надо было посидеть немного в одиночестве, и она даже не

сразу вспомнила, что в руке зажат каменный ролик-гале на вычурной ручке. Но зеленоватое мерцание минерала заметно успокаивало. Видимо, магия, заключённая в кристалле, действовала не только на больные места, но и на взвинченные нервы!

Бланш магом не была, а то бы сумела использовать энергию минерала не только в предназначенных артефактом целях. Однако сейчас, сжимая инкрустированную рукоять, женщина не думала ни о чём и ни о ком, кроме Роже Дюрана.

Она ведь поверила ему! Она обрадовалась старому знакомому и бывшему любовнику, подпустила так близко, как только была способна – а он? Ещё до того, как они поцеловались, он уже решил использовать встречу по-своему, раз подсыпал в стакан эту мерзость. И для чего? Чтобы просто переспать? Она же была почти не против. Конечно, сказала «не надо», но потом всё равно с ним пошла. Хотя уже и не помнила...

И всё-таки, если бы не определённое вещество, в случае принуждения Бланш могла бы сказать, что во многом виновата сама – нечего было садиться в машину к Роже или, к примеру, надо было более уверенно отнекиваться. А вот этот дурман сводил всё к тому, что ею воспользовались не спонтанно и не просто так, по велению сердца. И даже не спяну!

Она бережно проводила артефактом по кровавым мозолям и думала, думала. Эмоции отступали. В голове прояснялось.

Когда через пятнадцать минут в гостиную вошёл Этьен – он не стучался, но раза три-четыре подёргал ручку, показывая, что готов войти – Бланш уже успокоилась окончательно и встретила его словами:

– Ему, очевидно, что-то нужно именно от меня. Когда мы встретились, он ничуть не был удивлён. И когда я пошутила, что он преследует меня – поддержал шутку. А потом сказал «у тебя проблемы». Он уже знал, что я нужда...

– Не стоит смущаться, мадам Паради. Вы не пришли бы сюда, если б не нуждались в деньгах, – с прохладцей сказал Этьен. – Но какая ему выгода в ваших проблемах?

– Не знаю. У меня ничего нет, – Бланш развела руками. – То есть у меня небольшой домик, за который уже выплачен кредит, но... Сейчас я на такой мели, что дом сдаю, а живу чуть ли не в мышиной норе.

– Но зачем? – изумился Этьен.

– Затем, что моему сыну осенью исполнилось шестнадцать, и я отправила его в университет.

– А, всё-таки сын у вас есть. И это сын с магическим даром, – кивнул Этьен. – Вы не побоялись отправить его так далеко, в Монпансьель...

– Кто вам сказал про магический дар? Откуда вы вообще берёте все эти странные выводы? – не удержалась Бланш.

– Да тут всё как раз просто. Если мальчик не пошёл в старшие классы, а в шестнадцать лет поехал в университет – то это может быть лишь магический университет, в другие по-

ступают в восемнадцать. А магический у нас только один, и он в столице.

– Вам не откажешь в логике, – вздохнула она.

– Ваш сын знаком с тем мужчиной, который...

– Нет, – сказала Бланш и вдруг прижала руки к сердцу. –

Но ведь Роже мог вывести...

– А где работает этот Роже? – спросил Этьен.

– В городском совете, – медленно сказала Бланш, – в отделе образования... Ох.

– У вас есть дом и сын. И некий мужчина, возможно, считает себя вправе на них претендовать.

– Глупости. Роже всегда предохранялся, – выпалила Бланш, – он не может думать, что Пьер-Антуан его сын! Да и потом – у него полно связей, денег, всего, что можно пожелать, зачем ему всё это? Какая ему выгода в ребёнке? Думаю, он просто отчего-то не уверен в себе, вот и подсыпал мне этой гадости.

Но что-то всё-таки царапнуло. Ведь и про дом Роже говорил. И предлагал поработать в нём «сиделкой». Которая будет в основном лежать... В свете открывшихся обстоятельств последнее предложение показалось особенно гадким.

– У меня ощущение, будто бы он... – тут Бланш запнулась. – Нет, не может быть. Ему просто нужен дом на лето, провести отпуск, а всё остальное ошибка.

– Можно подмешать кому-то «белль-дормон» по ошибке?

– усомнился Этьен. – Но кое в чем вы правы, мадам Парадис...

– Бланш, – сказала Бланш. – Это куда короче, к тому же очень удобное имя: можно и крикнуть, и прошептать.

– Хорошо, если вам так удобнее, – пожав плечами, сказал Этьен. – Так вот, вы правы, Бланш. Мы пока не видим главное: мотива. Для чего вашему другу Роже было использовать «белль-дормон», если вы и так не были против?

– Я была против, но, – тут Бланш слегка прикусила губу, – отчетливо помню, что сказала об этом уже после того, как мы с ним выпили.

– Значит, что-то в вашем поведении сказало ему, что вы не согласитесь по доброй воле.

Бланш нахмурилась.

– Бросьте, мсье Ленуар. Переспать со мной – не такой уж большой приз.

– Я бы так не сказал, – мягко сказал Этьен. – Вы себя явно недооцениваете.

– Мне сорок лет, и я, мягко говоря, не была идеальна даже в двадцать. Тем более, Роже знал меня куда более свежей – и то мы расстались! Тогда у меня и талия была тоньше, и щеки худее, и глаза больше...

– Вы к себе несправедливы, Бланш. К тому же сексуальное влечение не так уж редко перерастает в настоящую манию.

– Ну, до маньяка Роже далеко. Так же далеко, как мне до тоненькой красавицы! Будь он маньяком, не отпустил бы

утром... и вряд ли бы предохранялся. Так что нет, это не мотив. А вот дом...

– Дом – тоже ценность, – кивнул Этьен. – Хотя мне кажется, что дело далеко не в доме.

– Это всё очень странно, – сказала она. – Но я надеюсь, что всё само собой прояснится. А теперь давайте на время забудем о происшествии, иначе я с ума сойду.

– Хорошо. Кстати, чулки придется выбросить, – уже уходя, сказал Этьен. – Они в крови и, кажется, слегка порвались.

Бланш почувствовала, что краснеет. У неё не было запасных чулок.

Вечер нагрянул в гости довольно неожиданно. Этьен целый день требовал внимания. Разве что за исключением пары телефонных разговоров и примерно часа чтения каких-то бумаг, доставленных курьером. Бланш лечила ему вчерашний перелом, который, кажется, безнадёжно зажил – судя по виду руки, исцелять было уже нечего. Беседовала с пациентом, который ловко уходил от расспросов. Готовила обед и ужин.

К вечеру она даже есть не могла. Чувствовала себя усталой и разбитой, к тому же всё время возвращалась мыслями к Роже. Он был ей гадок и о нём хотелось забыть, но не получалось.

– Вы сегодня устали, Бланш, – сказал Этьен. – И напуганы. Вы собираетесь домой?

– Да, конечно.

– Могу я уточнить: вы точно не собираетесь встречаться с Роже сегодня?

– Приложу все усилия, чтобы избежать встречи, – заверила его Бланш. – К счастью, он не знает, где вы живёте. Назначил встречу в девять возле отеля.

– Тогда... Вы сейчас едете?

– Иду, – поправила Бланш, с тоской думая о том, чтобы снова надеть туфли, да ещё и без чулок.

Мозоли, конечно, очень хорошо поджили благодаря гале. Но тонкая кожица вновь лопнет, стоит только пройти хотя бы четверть мили. И тогда будет больно.

– У вас ведь есть пластырь, мсье Ленуар?

– У меня столько всего, что я мог бы открыть аптеку, будь у меня лицензия... и желание, мадемуазель Парадис.

– Бланш.

– Тогда – Этьен, – сказал мсье Ленуар.

– Простите, но нет, не пойдёт. Вы наниматель. Я – наёмная работница, сиделка. Мсье Ленуар – самое такое ваше... название.

– Ну спасибо, – кажется, Этьен чуть обиделся. – Вот вам деньги на такси, Бланш – в счёт будущего жалованья, не надо так на меня смотреть. Это чтобы вы сегодня спокойно добрались до вашей «мышинной норы», а завтра не опаздывали. И всё же подумайте о том, что здесь полно комнат. Вы могли бы перебраться сюда...

– Мадам Анри жила с вами? – спросила Бланш с особой интонацией.

Ну да, Мадлен Анри была женщина немолодая и не слишком симпатичная – именно такую замену бывшей сиделке вчера требовал по телефону Этьен. Однако в салоне красоты порой попадались такие жуткие старухи куда старше, чем Анри. Это были женщины, считавшие себя писаными красавицами и заводившими молодых любовников, так что Бланш тут нечем было удивить. Разве что тем, что те старухи были богаты, а Мадлен сама прислуживала богачу.

Мсье Ленуар едва заметно качнул головой:

– Она проживала на втором этаже. Так вы... подумайте, Бланш.

У него было очень грустное лицо сейчас, и Бланш даже подумала – а не остаться ли? Но после того, что случилось этой ночью и этим утром, она осознала, что нельзя верить даже давно и хорошо знакомым мужчинам! А Этьена она почти и не знала. Инвалид? Да. Но он также маг, который отлично показал своё знакомство с разными дурманящими зельями.

Вот почему Бланш покачала головой и сказала, желая одновременно уязвить, подразнить и отказать:

– Мсье Ленуар, спасибо за предложение, но я остаюсь на ночь только у тех мужчин, с которыми сплю.

Он опешил так, что отошёл на пару шагов от места, где стояла Бланш, и посмотрел враз отрезвевшим взглядом.

Вот так-то. Хорошо, когда работодатель смотрит на сиделку именно так: без этого маслица в глазах, которое так и выдаёт истинное желание мужчины!

И всё-таки ей стало немного жаль Этьена. И оттого противно, что выбрала именно эти слова.

– До завтра, мсье Ленуар. Я не опоздаю.

С этими словами Бланш взяла ключ от его квартиры, повертела туда-сюда, чтобы он уж точно увидел это, и сунула в карман юбки. Отступление испортила хромота – несмотря на лечение и облепленные пластырем ступни, Бланш было больно в этих уродских туфлях. Но всё-таки она ушла, оставив после себя ощущение неловкости, которое тянулось за ней, как шлейф.

ГЛАВА 7. ЭТЬЕН

Лучше не пытаться понять женщину. Особенно красивую и сексуальную, уверенную в своих силах и в своей неотразимости. Она то мягко со всем соглашается, то вдруг даёт жесткий отпор – хотя разве Этьен дал повод? Она бы просто ночевала на втором этаже в одной из комнат. Он бы просто думал о том, что Бланш рядом. И всё. Всё?

Этьен занял наблюдательный пост у окна. Бланш не торопилась выходить, возможно, потому что сейчас ковыляла вниз по лестнице. А он перебирал в уме доводы, почему сиделка могла бы остаться. В конце концов, почему бы нет? Это её работа – надо было, видимо, соврать, что уход может по-

надобиться и ночью. И вообще... Так безопаснее! Хотя пока никто и не угрожал жизни или здоровью женщины – даже этот подозрительный тип.

И тут же Этьен сам себе возражал как бы с точки зрения мадам Паради: всё это могло быть случайностью. Дурман мог подсыпать... ну, допустим, бармен. Мужчина её старый знакомый, в нем просто всколыхнулись приятные воспоминания. Что они приятные – Этьен был, разумеется, уверен. Ведь Бланш так обаятельна и жизнерадостна, так красива и притягательна.

И конечно, этот мужчина, как бы ни относился к Бланш, не знал, где она сейчас живёт и у кого работает. Ведь не знает же?

Всё это казалось логичным. Однако тревога не переставала маленькой назойливой мухой стучаться в хрупкое стекло возражений.

Этьен замер, глядя, как Бланш переходит через улицу и машет рукой проезжающим жёлтым такси. У неё была соблазнительная походка даже с учётом мозолей. И рукой она взмахивала так, что оставалось только удивляться, почему все машины разом не останавливаются, а водители не спорят за право отвезти эту женщину хоть на край света. Невероятно, что кто-то не видит, не замечает прелести Бланш.

Тут к бордюру подкралась, слегка шурша покрышками, новенькая чёрная «Прима». Отличное авто, так и сверкающее намытым безупречным корпусом. Словно хищная аку-

ла, «Прима» распахнула пасть-дверцу, и оттуда вышел мужчина. Он что-то говорил – и, вероятно, слушая слова мужчины, Бланш не убежала прочь сразу. А после было уже поздно.

Вот она выслушала его и сделала движение, будто хочет уйти... Но мужчина схватил её за руку, а затем притянул к себе и взял за подбородок. Со стороны выглядело, пожалуй, интимно, но Этьен насторожился. От напряжения вспотели ладони, брови он свёл так, что заболел лоб. Но отходить от окна было не время. Всё равно он ничего не сумел бы противопоставить пристававшему к Бланш мужчине.

А мадам Паради тем временем стало совсем неловко, и она вывернулась из мужских рук – вот только уйти ей не дали. Мужчина встал перед нею на колени и обнял за бёдра, нещадно сминая ткань серой юбки. У Бланш подвернулась нога – и тут мужчина поднялся с мостовой, хищным и лёгким жестом подхватил свою жертву под колени и засунул в машину.

Номер автомобиля он заметил только мельком – табличку было не очень-то видно из окна. Но этого было достаточно. Он знал имя мужчины, знал, что тот служил когда-то в городском совете Монпансьеля. Едва «Прима» тронулась с места, как мсье Ленуар уже набрал диспетчера и попросил связать его с отделением полиции.

– Дежурный офицер Верньер, – прозвучал усталый мужской голос.

Это было превосходно: комиссар Жак Верньер нынче де-

журил сам. Старый друг, с которым не прервалась давняя связь, начавшаяся ещё во время учёбы, понимал Этьена с полуслова. И порой по старой памяти мог позвать посоветоваться насчёт какого-нибудь дела.

– Алло! Говорите, – настойчиво сказал Жак.

– Это инспектор Лемуар, – торопливо ответил Этьен.

Уже через пару минут в полицейском участке Этьен и сам мог убедиться в мотиве Роже. Перед ним лежало фото убитой, присланное по магпочте. Светлые волосы, упрямо не желающие ровно лежать и выбивающиеся из причёски, ясные серые глаза, невинная улыбка и ямки на щеках. Наверно, в молодости Бланш Паради выглядела примерно так же.

ЧАСТЬ 2. Эпизод 2. Герой её романа

ГЛАВА 1. Этьен

– Это инспектор Лемуар, – торопливо сказал Этьен.

– Этьен? – обрадовался Жак Верньер.

– Похитили женщину. Зовут Бланш Мари-Клер Паради, сорок лет. Скорее всего, её повезли или в гостиницу «У моря», или в её дом, адрес – улица бригадира Ксавье, одиннадцать.

– Знакомая твоя?

– Нет. Да. То есть она вчера нанялась ко мне на работу.

– И ты уже знаешь, где она может обитать? Силён. Что там с похищением? – осведомился Жак.

Этьен скупно улыбнулся похвале. Завтрак был из гостини-

цы – на пакете, стаканах, контейнерах – везде был напечатан их логотип. А вот насчёт полного имени Бланш и ее адреса – это он, конечно, навёл нынче справки в городской службе, представившись инспектором, которым уже давно не был. Вот только интересная деталь: Бланш оставила в агентстве адрес дома, а не своей съёмной квартирки. Где она могла находиться, Этьен так и не вызнал.

К его невероятному сожалению, он также ничего не успел узнать о похитителе помимо того, что рассказала Бланш. Его теперешнего статуса оказалось недостаточно, чтобы выпросить у администрации города Монпансьеля о некоем Роже, много лет назад занимавшего там какую-то связанную с образованием должность. Ему сказали лишь, что запрос принят в обработку...

Сейчас Этьен вкратце рассказал о том, что было утром, а затем и о том, чему был свидетелем минуту назад.

– Мы не поняли его мотива, но он определённо есть, – сказал Этьен. – Боюсь, Бланш до сих пор ему ещё немного доверяет, раз подпустила так близко.

– А если это не похищение, а какие-то любовные игры? – уточнил Верньер. – Тем более, ты упомянул, что твоя новая сиделка была знакома с этим Роже.

– Она не выглядела... как после любовных игр. Кроме того, узнав, что её опоили ещё до того, как она прямо отказала своему знакомому в продолжении вечера, женщина была потрясена.

– О, да ты ещё помнишь, как выглядит удовлетворённая женщина! – хмыкнул Жак. – Ладно, вышлю парней по обоим адресам. Если ты вдруг ошибся, то с тебя уютный вечерок в твоём домашнем баре. Отключаюсь.

– Держи в курсе, – едва успел крикнуть в телефонную трубку Этьен.

– Будь уверен, – усмехнулся Жак.

Верньер позвонил Этьену через двадцать минут. Сообщил, что номер в гостинице постоялец освободил ещё утром. А в доме Бланш живёт молодая женщина с двумя малышами – она открыла патрульному, сказала, что в доме, кроме неё и детей, никого нет.

– Она не выглядела напуганной или встревоженной? – спросил Этьен.

– Ну если к тебе в восемь вечера заявится полиция, ты всяко не будешь спокоен и благожелателен, я полагаю, – ответил Верньер. – Веской причины обыскивать дом у нас нет.

– А если будет? – спросил Этьен.

– Откуда? – спросил Жак. – Но если ты что-то придумаешь, сразу звони.

Едва завершив с ним беседу, Этьен сразу набрал другой номер.

– Жан-Луи, ты мне нужен.

– Что Бланш тебе опять сломала? – засмеялся Бонэ.

– Боюсь, как бы ей самой не сломали жизнь, – сказал Этьен, не поддерживая его веселье. – Послушай, она не го-

ворила, что её кто-то может преследовать?

– Нет, не говорила, – сказал Жан-Луи. – Мы в основном... кхм... осматривали дом и немножко флиртовали. Так, для тонуса.

– Почему я не удивлён? – вздохнул Этьен. – Она во что-то влипла, – сказал Этьен, – и я пытаюсь разобраться, во что именно. Ты можешь для меня кое-что сделать?

– О да, как в старые добрые времена, – сказал Жан-Луи. – Я был прав, новая сиделка явно оживила твоё жалкое существование.

– Даже слишком, – сказал Этьен. – Её похитили.

– Тааак, и что я должен сделать? Поймать похитителя и заслужить поцелуй красавицы?

Этьен подумал, что поцелуй с удовольствием заслужил бы сам, но сейчас было важнее для начала спасти красавицу, иначе целовать её не придётся.

– Ты должен во что бы то ни стало узнать, не засел ли похититель в доме Бланш, адрес я назову, – сказал он. – Он мог приехать туда на черной «Приме»... Только аккуратнее. Там может находиться ещё одна женщина, у неё дети. Если что-то узнаешь, надо сразу сообщить в полицию, лучше всего прямо Жаку Верньеру. Ну и потом уже мне.

– О, Жак у нас тоже в деле? В очереди на поцелуй я уже не первый?

– Но и не последний, Жан-Луи, – нетерпеливо сказал Этьен. – Ну как? Сделаешь?

– Да, только не проси меня быть осторожным. Потому что вот это точно не мой конёк.

– Достаточно, если ты пообещаешь, что никто не умрёт.

– Идёт, – обрадовался Жан-Луи.

Как ребёнок. Бонэ всегда был жизнерадостным поганцем, это точно. Но сейчас это именно то, что надо. Этьен медленно положил телефонную трубку на рычаг.

– Этьен? Сидишь в темноте, дом не заперт, – послышался голос, и Ленуар вздрогнул.

Это пришёл Жак Верньер.

– Я рассчитывал, что ты будешь у себя, – беспокоился Этьен.

Всё-таки вдруг Жан-Луи что-то выяснит и будет звонить в полицию?

– Я за тобой. Едем в участок, – сказал Жак. – Можешь захватить пару подушек и ватное одеяло, если надо. Хотя у меня и так мягко в салоне.

– Куда? Зачем?

– Ты должен кое-что увидеть, а я не могу просто так вынести из управления полиции важные документы.

– Какие документы? – переобувая домашние тапочки на туфли из мягкой кожи с ещё более мягкой фланелевой подкладкой.

– Прислали магпочтой из Монпансьеля.

– А вкратце?

– Вкратце, Этьен, всё плохо. Знакомого твоей подружки

зовут Роже Дюран, не так ли?

– Фамилию я не знаю.

– Ты упомянул, что он состоял в совете города.

– Да, что-то связанное с образованием. И имя точно Роже, а вот насчёт Дюрана не уверен. В совете Монпансьеля мне сказали...

– Роже Дюран, пятьдесят два года, холост. Когда-то действительно служил в отделе образования. Семнадцать лет назад он имел с мадам Бланш Мари-Клер Паради, тогда ещё мадемуазель Вилларе, довольно продолжительную связь, – сказал Жак, пока Этьен запирал дверь и спускался по лестнице. – Они расстались, Бланш перепорхнула от него к другому мужчине, вышла замуж, забеременела, уехала обратно в Сен-Фило. Спустя какое-то время развелась, но это не очень важно для нас. А важно, что через месяц после свадьбы Бланш наш старый добрый Роже Дюран был арестован за убийство Вероники Экрю, девятнадцати лет. Тело обнаружили совершенно случайно – благодаря бдительной соседке, которая увидела, что в шесть утра Дюран якобы сажает яблоню на заднем дворе. Сама она любила копаться у себя в садике, вот и заподозрила неладное, дескать, сажать в августе дерево как-то нелогично...

Он говорил, Этьен кивал, авто ехало – мягко и плавно, потому что Жак был очень аккуратным водителем.

– И что дальше?

– Дальше он отсидел шестнадцать лет. Недавно вышел,

и... Видимо, кто-то встретился на его пути и рассказал о мадам Паради. После чего Роже угнал авто у представителя администрации Монпансьеля и приехал сюда. Он действительно приехал за твоей подружкой, Этьен. Вопрос лишь в том, что он собирается делать с нею дальше.

Уже через пару минут в полицейском участке Этьен и сам мог убедиться в мотиве Роже. Перед ним лежало фото убитой, присланное по магпочте. Светлые волосы, упрямо не желающие ровно лежать и выбивающиеся из причёски, ясные серые глаза, невинная улыбка и ямки на щеках. Наверно, в молодости Бланш Паради выглядела примерно так же. Даже скорее всего, потому что девушка по имени Вероника Экрю запросто могла назваться её младшей сестрой или дочерью. Даже откуда-то раздобытая фотография Бланш, сделанная, видимо, на документы, казалась лишней. Хотя ведь Жак не видел мадам Паради вживую и должен был как-то убедиться...

– Мы уже связались с её сыном, – сказал Верньер.

– С сыном, – эхом откликнулся Этьен. – Думаю, именно сын и рассказал мсье Дюрану о Бланш. Всё в общем-то сходится!

– И не то чтобы это радовало, особенно когда мы не знаем, где находится предполагаемый злоумышленник, – задумчиво сказал Жак. – Мы объявили его в розыск. Если только он не вывез женщину из города...

– А машина? – встрепенулся Этьен на слово «вывез». –

Чёрная «Прима», которую он, по твоим словам, угнал в Монпансьеле.

– Машину тоже ищем, – кивнул Жак. – И даже более того: патрульные видели её в прибрежном районе, недалеко от Ксавье, одиннадцать, но только днём. Авто уж больно приметное. Но час назад в районе улицы Ксавье его не видели.

Час! Этьен потрясённо уставился на настенные часы. Уже час прошёл с момента исчезновения Бланш. За это время...

– Не дёргайся. Ты же знаешь, на убийство нужны секунды и оно может произойти в любой момент, так что если человеку суждено погибнуть – его ничто не спасёт.

– Вот уж утешил, – пожал плечами Этьен. – Я просто жалею, что отпустил сиделку сегодня. Соврал бы, что мне плохо и будет нужна помощь... Или настоял, что она должна быть рядом круглосуточно.

– Ты изрядный чистоплюй, Ленуар. Она на тебя работает. Мог бы и приказать. Или посулить прибавку к жалованью. Мог на крайний случай обнять её и поцеловать!

Этьен скривился. «Я остаюсь на ночь у мужчины, только когда сплю с ним». Кажется, так она сказала. А ещё раньше – что ему нечего предложить женщине, кроме денег. Да, пожалуй, он чистоплюй. Не смог бы такое сказать Бланш. Невольно её после того, как она попала в такую историю с дурманом.

– У меня другие взгляды на женщин.

– А женщины, знаешь ли, частенько любят, когда с ними

не особо церемонятся. Ты знаешь, как много женщин предпочитает плохих парней? Вот и сыграл бы такую роль.

– Э, нет, Жак, я, конечно, здорово выпал из жизни, но уверен, что по закону это всё ещё считается домогательством, – нахмурился Этьен. – И хватит, я не выношу таких шуток.

– Шутки шутками... Зато она бы осталась, – гнул своё Верньер.

– Действительно, – задумчиво сказал Этьен. – Но я не думал, что всё настолько серьёзно. Я ошибся.

– Теряешь хватку! А всё потому, что удалился от мира и хиреешь там у себя в норе без постоянной практики. А мы тут практикуемся и совершенствуемся! Ладно, сидим спокойно, ждём. Пока ещё ничего страшного не произошло.

Но Этьену не сиделось.

– Если по тем двум адресам никого нет – возможно, я ошибся, – сказал он. – Быть может, съемщица с детьми чем-то мешала преступнику, а возвращаться в номер он не захотел. Есть ещё одно место, куда он мог бы отвезти Бланш.

– Есть множество таких мест, – возразил Жак. – Почему ты думаешь о преступнике так хорошо? Приличный дом, хороший отель... Между тем маньяку достаточно гаража или даже подворотни.

– Роже не маньяк, – собирая в жалкую кучку своё спокойствие, сказал Этьен. – Он расчётливый. Он психопат.

– Даже так? – удивился Жак.

– Даже так, – Этьен кивнул и взял в руки карандаш, хоть

и не собирался писать или рисовать: просто его это немного успокаивало. – Смотри, семнадцать лет назад он расстался с Бланш. Ей было двадцать три года, то есть ещё молодая, но уже не слишком юная. После чего он убил девушку вполне свежую и юную, – тут он показал тупой стороной карандаша на фото. – Видишь, тут по протоколу сказано – девятнадцать лет, но этой мордашке на вид и шестнадцати не дашь. Она очень молодо выглядит.

– Ну допустим, – сказал Верньер.

– Она похожа, но очень юная. Если бы Роже был маньяком – то у него была бы фиксация не просто на сдобных блондинках, каковой является Бланш Паради, а на очень молодых блондинках. И тут ничего не изменилось бы. Ему не нужна была бы конкретно Бланш, тем более она давно вышла из возраста и образа, а любая похожая на неё девушка до двадцати лет.

– Ну, с Бланш его мания и началась, – сказал Верньер, – так что ему может быть плевать на возраст. Он мог думать, что с её смертью мучавшая его страсть прекратится.

– Тогда он её убил бы сразу, как одурманил и завладел ею. Но он отпустил и дал время якобы подумать. Это время он не только оставил номер в отеле, но и разведal, где живёт и работает мадам Паради. Только я думал, что Роже отправится в её дом, и в этом ошибся.

– Поясни про дом, – попросил Жак устало.

– А что пояснять? Роже – расчётливый ублюдок, вот и всё.

Потащи он жертву куда угодно – это будет расценено как похищение. Но покуда он удерживает женщину в её же доме, он может отговориться тем, что никто её не похищал. Что всё это просто любовные игры.

– Интересное предположение, – качнул головой Верньер.
– Ну а дом-то, дом? Почему он её не повез на Бригадира Ксавье, одиннадцать?

– Возможно, и повёз, но там же проживает съёмщица с детьми. Куда их девать на ночь глядя? Выгонишь – она поднимет шум, а не то ещё заявит в полицию. Особенно если мадам Пароди подаст ей знак – а она и подала бы, насколько я заметил, Бланш не глупа. Так что остаётся одно место...

– Которое нам неизвестно, – подчеркнул Жак.

– Она сказала, что живёт в мышиной норе. И уже вчера у неё устали ноги, а сегодня и вовсе были натёрты, – продолжал рассуждать Этьен. – Она много ходила пешком...

– Мышиная нора? Она так сказала? – оживился Жак. – Тогда надо проверить застройки в районе Мышиной горки. Именно там натуральные норы – квартирki тесные, некоторые дома уже под снос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.